

ГАШИМ НАДЖАФЗАДЕ

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Однажды утром

Протянет Всевышний десницу с небес,
Погладит планету по голове.
И – рухнут границы,
Осыплются птицы,
И туша планеты, готовой на старт,
В мгновение ока рассыплется в прах.

Под дланью Его наши флаги земные
Развеются в ветре,
Как листья цветные.
Средь сонмов детей человеческих отныне
Один будет избран Всевышним из всех.

Рука Его мир опрокинет смурной,
Сравнявши навеки богатого с бедным,
Мучителя с жертвой,
И всех нас – с землей.

Ракеты в ладони сомнет Он шутя.
Мы в страхе священном заметим при этом,
Что ростом не больше грудного дитя
Вдруг стали величественные минареты.

И будет младенец Им ввысь вознесен,
Что гулит без слов,
Словно райская птица.
Все наши часы и сердца станут биться.
Дыханию детскому в унисон.

Ах, грозный в то утро
получим урок мы,
Под грозною сенью Господней руки!..
И станут людьми
разобщенные толпы
В единой молитве смешав языки.

Октябрьские стихи

Дни протекли, упорхнули птицы,
застыло мыслей и рек течение.
Нет больше тех,
кто был сердцу дорог –
поздно теперь вспоминать их лица.

Унесся листок, что гонял котенок,
ветер, что гнался за этим листочком,
осень, что в сети ловила ветер,
время, что в сети ловило осень,
девушка, что догоняла время...
взгляд, неотступно за ней следивший –
все это минуло...
Умчались автобусы новым маршрутом,
перенесли давно остановки.
Нет магазинчиков, нам привычных,
витрин зеркальных, нас отражавших –
все изменилось...

За столиком в нашем кафе – другие,
заняты наши места в этой жизни...
Руки твои, что меня ласкали,
навек в моей седине затонули –
руки, ах, руки...

Нас в новостях не упоминают,
соседи не помнят,
когда встречали –
все позабылось...

Как же их звали – маму, сестренку,
отца твоего?..
Нет, теперь не припомню...
Ты мою боль разделить не умеешь
(Больно, как больно...)
Ты не позвонишь, я не приеду –
(Шаг первый сделать
никто не хочет...)
Время пробило и полдень, и полночь.
Хоть бы один наш общий знакомый
(пусть даже сплетник из прошлой жизни)
нам подтвердил, что мы есть,
мы живы...
Мы бы поверили и – очнулись...

Такси промелькнуло,
промчался поезд,
люди прошли, облаками растаяв.
Мне бы хоть с кем перекинуться словом –
вы не прочли бы тогда этих строчек...

Сомнение

Обернувшись дождевой,
летающей сквозь тьму,
Я приник на мгновенье к окну твоему –
различила среди прочих меня?..
Не пойму...

Я, как пьяный,
под взглядом любимым тогда
канул в сердце бездонном твоим навсегда.
Рассмеялась мне вслед?..
Может быть...
Не беда...

Как любил я,
когда у порога сойдясь,
наша обувь шепталась под шорох дождя...
Ну а ты улыбнулась на это –
хоть раз?..

Тень твоя надо мною, над спящим, плыла,
от вопросов клонила моя голова,
руки что-то свое восклицали в ответ...
Не уверен –
заметила ты или нет?..

Над моей сединою плывут облака –
или это твоя осеняет рука?
Будет дождь ввечеру – говорят...
Будет дождь...
Но не знаю:
услышишь?..
 узнаешь?..
 поймешь?..

Разговор с исписанным листком

Запорошили весь стол мой листки...
Стих начиная с новой строки,
В пальцах привычный озноб ощущаю –
в памяти веет
прохлада лесная.

Ветер, ворвавшийся в окна порывом,
спутал, смешал все листочки и рифмы.
Леса посланец,
он ищет впотьмах
вспоминанье о стройных стволах.

Что ж, забирай стих мой новый с собой –
пусть зеленеет на ветке лесной.
Ветер из окон
и творчества ветер
борются,
строчки стирая вот эти.

Слышно, как стонут в блокноте листки:
мы ведь живыми деревьями были –
вы нас убили.
А после этого с легкой руки
пишешь на нас ты
о нас же стихи...

Мельница

Хочу я жить в селенье небольшом.
Я мельницу построю над ручьем
В соседстве тесном с ивою плакучей.
Пусть отразясь в воде мимотекущей,
Согласно шкив и колесо скрипят
О той любви,
 что многим только снится –
Ее безумный пряный аромат
Я подмешаю к молотой пшенице...

Я сам вспашу надел свой и засею.
Я босою ногой ласкаю землю,
И рыб в ручье касаюсь заодно...
И зреет в чреве колоса зерно.

Пусть ослик старый явится ко мне
Возить зерно на старенькой арбе.
Мне ж пыльные мешки таскать азартно,
Навек от боли исцелясь в спине.

Быть мельником – худым и долговязым,
Который любит хлопотливых пчел,
Жалеет вдов и стариков...

Намаз свой

Я обращаю к колосьев пышной связке,
В которой я любовь свою обрел.

Проходят дни...

В муке мое лицо...

И поцелуй свой с привкусом помола
Возлюбленной дарю я, как кольцо.

Пусть служит местом отдыха мой кров
Для легких птиц и грузных облаков.
И пусть ездок, спеша на склоне дня,
У встречных спросит, придержав коня:
– Что это там чернеет?..

И ответят

Ему:

– Жил среди нас поэт, молот
Слова, и эту мельницу возвел,
Как памятник
всем любящим на свете.

На мельничной двери и косяке
Есть надпись на старинном языке:
*«Я душу вырастил в себе, как поле,
Чтоб стать ей обиталищем любви –
Поэт, что столько написал стихов,
Но так и не сумел привлечь любимой.
Быть может, хоть на мельницу она
Заглянет невзначай,
шагая мимо...»*

